

Игорь Григорьевич Милославский
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Какая грамматика нужна для обозначения действительности средствами русского языка?

1. Постановка задачи

В настоящее время кажется уже общепризнанной необходимость отказа от грамматики как части общего устройства языка в пользу 2 типов грамматик: грамматики рецептивной, ориентированной на аудирование и чтение, и грамматики продуктивной, ориентированной на говорение и письмо. Подчеркну, что только в таком, расчлененном, виде, грамматика оказывается скоординированной не с лексикой вообще, но именно со словарем, который может быть построен либо от формы к значению, либо от значения к форме. И никак иначе.

Русско-немецкий словарь в руках немецкоговорящего обеспечивает его рецептивную речевую деятельность на неродном, русском, языке и отчасти продуктивную – на родном, немецком. Тот же словарь в руках русскоговорящего ориентирован на его продуктивную речевую деятельность на неродном ему, немецком языке. Все это – *mutatis mutandis* – справедливо и для немецко-русского словаря. Остается только недоумевать, почему представление о грамматике вообще, никак не скоординированное ни с обеспечением какого-либо вида речевой деятельности, ни с лексикографической практикой, оказалось таким живучим. Не меньшее недоумение вызывает и несравненно меньший по сравнению со словарями опыт создания «симметричных» им грамматик.

По-видимому, явное «идейное» отставание грамматики в описании, в частности, русского языка связано с глубоко укоренившимся, сознательным и бессознательным, взглядом на язык как на самодовлеющую ценность, который заслуживает внимания сам по себе. Только принципиальная отрешенность от любых практических задач позволяла этому взгляду на язык в течение десятков лет совмещаться с «уровневым» подходом, при котором научные достижения в пределах каждого из

уровней приводили ко всё меньшему взаимопониманию между фонетистами и лексикологами, словообразователями и синтаксистами и т.п.

Ориентация на речевую деятельность в ее разновидностях требует перемены в принципиальном взгляде на язык, требует видеть в языке не самостоятельную ценность, но именно средство, позволяющее человеку осмыслять действительность, более или менее адекватно, и обмениваться этими представлениями с другими людьми. При этом традиционные языковые вопросы, например, о норме вовсе не отменяются, но оказываются не «внутри» самого языка, а выступают как показатель способности человека пользоваться языком, откуда прямой путь к проблемам языковой личности.

Именно взгляд на язык как на средство осмысления и обозначения действительности делает более внятными вопросы взаимодействия языка и культуры: какие особенности отражаемой действительности (во времени и в пространстве) ведут к наличию/отсутствию соответствующих единиц в языке, как язык, обозначая одни характеристики действительности и считая другие само собою разумеющимися, влияет на менталитет говорящих на этом языке, какие стереотипы относительно действительности, оценочные, ассоциативные и иные, закрепляются за теми или другими языковыми единицами и т.п.

Во всех дальнейших рассуждениях я буду исходить из того, что язык не самоцель, но средство осмысления, обозначения действительности, средство, позволяющее людям обмениваться представлениями об этой действительности. При этом в таких рамках меня будут занимать вопросы, связанные именно с грамматикой, обеспечивающей продуктивные речевые действия.

2. Вторичность грамматики по отношению к лексике

Как бы ни решался вопрос об объеме грамматики (входит ли в нее словообразование или нет, принадлежат ли ей различные служебные слова – предлоги, союзы – или нет и т.п.) совершенно очевидно, что грамматика принципиально не может существовать без лексики. Лексика без грамматики возможна, например, и в форме словарей, и даже в осмысленной речи людей, не владеющих грамматикой соответствующего языка. Я бы сравнил лексику с тканью, из которой шьют одежду, а грамматику – с нитками, пуговицами, молниями и прочей фурнитурой. Без ниток и фурнитуры, конечно, можно просто завернуться в кусок ткани. Однако лишь нитки, пуговицы, молнии и т.п. вещи позволяют получить из материи именно пальто или брюки, рубашку или платье. При всей условности сравнения хочу подчеркнуть, что флексия как основная и никем не оспариваемая единица формальной стороны грамматики может быть выделена только в составе слова. Сама по себе, вне

слова, отдельно, она может существовать только в сознании, но никак не в речи. И форма, и значение флексии всегда выступают вместе с той формой и с тем значением, которыми обладают включающая эту флексию лексическая единица. А лексическая единица, пусть и ущербно, но может представлять ценность и без флексии. Причем это касается как изменяемых, так и неизменяемых лексем. Основы *Весн-*, *утр-*, *стол-*, *весел-*, *город-* заведомо не полны без *-а*, но *-а* само по себе – ничто; *-ешь*, наверное, более информативно, но оно явно уступает любой глагольной основе и т.п.

Это положение кажется мне особенно важным для построения грамматики, обеспечивающей продуктивные речевые средства действия. Не претендуя на проникновение в реальный механизм речепорождения, полагаю, что в качестве исходного пункта, точки опоры, фундамента для грамматических построений должна выступать уже избранная производителем речи лексическая единица. Например, имею лексическую единицу *журнал*, хочу сказать, что обозначенных таким образом феноменов «>1» (ответ: *журналы*), имею *ходить*, хочу сказать, что обозначенное так действие 1) «реально совершалось», 2) «в прошлом» (ответ: *ходил, ходила, ходило, ходили*). Или более сложный случай. Имею *читать* и *Достоевский*. Хочу, чтобы обозначенное вторым словом стало субъектом – тогда *Достоевский*. Хочу, чтобы обозначенное этим словом стало объектом – тогда *Достоевского*.

3. Семантические и асемантические элементы в грамматике

При взгляде на язык как на самодовлеющую ценность постоянно предпринимались попытки любыми способами непременно «нагрузить» грамматические характеристики какими-либо значениями. Однако рассматривая язык как средство отражения действительности, необходимо признать существование двух типов грамматических характеристик: 1) отражающих объективную действительность и 2) никак не связанных с отражающей ролью языка, но определяемых требованиями самого языка. Так, например, число существительных, время, наклонение, лицо глагола, без сомнения, так или иначе отражают соответствующие фрагменты внеязыковой действительности: количество, время, реальность, участников коммуникативного акта. С другой стороны, тип склонения или спряжения ни малейшего отношения к отражению объективной действительности не имеет, хотя в сознании почти всех изучающих немецкий язык как иностранный, по моим наблюдениям, различение сильных и слабых глаголов выступает как душа немецкой грамматики. Различия в роде имен существительных в языках, где такая характеристика имеется, также обычно не отражают каких-либо свойств объективной действительности. То же самое касается и родовых различий в

прилагательных и в тех глагольных формах, где такие различия имеются.

Полагаю, что различие семантических и асемантических элементов в грамматике принципиально важно для обсуждаемой нами общей задачи (см. 1). Семантические характеристики и их реализация составляют важнейшую часть первого этапа работы над грамматическим оформлением мысли. Только после получения результатов этого первого этапа можно (и нужно) переходить ко второму этапу – к оформлению уже имеющегося содержания по правилам, диктуемым уже не действительностью и отражающим ее языком, но только самим этим языком, его собственными правилами (и капризами!).

Невнимание ко второму этапу не нарушает того, что называется отражением в языке «положения дел», это невнимание является лишь характеристикой автора, степени его владения языком. Смещение обоих аспектов, и тем более примат второго, может приводить к созданию формально правильных единиц текста (и текстов), адекватность отражения в которых реального «положения дел», авторской оценки, отношения к собеседнику и пр. всегда будет оставаться, по крайней мере, под вопросом.

Следует специально отметить два обстоятельства.

Во-первых, возможность для асемантического грамматического показателя выступить в ограниченном круге строго определенных контекстов в качестве семантического. Так, родовые характеристики русских прилагательных, в том числе и местоименных, обычно асемантические, выражают семантическую характеристику по полу, сочетаясь со словами общего рода (*наш невежа, наша невежа*). То же самое происходит и с числовыми показателями таких же прилагательных, сочетающихся с несклоняемыми существительными, когда эти, обычно асемантические, показатели семантизируются, обозначая количественное противопоставление (*старый кенгуру – старые кенгуру*).

Во-вторых, семантические грамматические характеристики могут сочетаться с лексическими единицами с однородными семантическими признаками и становиться, таким образом, асемантическими, точнее семантически лишними, избыточными. Например, имею лексическую единицу *дом*, хочу сказать, что обозначенных таким образом объектов «>1». Возможный ответ: *несколько домов*, где грамматический показатель, строго говоря, излишен семантически (хотя и необходим по правилам самого языка). Или имею лексическую единицу *встретить*, хочу сказать, что это событие совершилось «несколько раньше момента речи». Возможный ответ: *недавно встретил*, где грамматический показатель семантически избыточен, а как асемантический нейтрален. *Недавно встречаю* дает незапланированный коммуникативный эффект.

4. Семантические модификации, осуществляемые с помощью грамматических средств (флексий)

Очевидно, что с помощью грамматических средств, а именно флексий (окончаний), можно осуществить ограниченный круг семантических модификаций.

1) Количество лиц, предметов и любых других, не чуждых идее счета. По этому вопросу существует огромная литература, однако собранные факты должны быть осмыслены с учетом, во-первых, семантики именно количественного преобразования, а не образования грамматической формы числа. Во-вторых, напомню, что в данном случае речь идет о продуктивном, активном подходе к вопросу, а не об аналитической, рецептивной процедуре. Учет обоих этих обстоятельств приводит, в частности, к пониманию того, что многие русские слова обозначают такие феномены, для которых количественная характеристика (не грамматическое число!) бессмысленны: *терпение, лень, серость, воск, дочери-матери, духи, сливки* и т.п. Кроме того, некоторые существительные, обозначая предметы считаемые, как языковые единицы не обладают способностью выразить количественные противопоставления с помощью грамматических средств (флексий). Это часть существительных т. н. *pluralia tantum*, как, например, *сани, ножницы, брюки, ворота, очки* и т.п. (но не *сливки, духи, жмурки* и т.п.), а также неизменяемые существительные, такие, как *пальто, кашне, такси, какаду, мадам* и т.п.

подавляющее большинство существительных, способных именовать считаемые предметы, оформляет это противопоставление разнообразными способами: *стол – столы, столов; огонь – огни, огней; дом – дома, домов; река – реки, рек; село – сёла, сёл* и нек.др. При этом за всеми этими различиями не стоит никаких содержательных характеристик. (см. об этом ниже).

2) Реальность или желательность действия или состояния: *иду, идёшь – иди, встаю, встаёшь – встань* и т.п. Специально подчеркну, что речь идет не о традиционном противопоставлении 3 наклонений: изъявительного, повелительного, сослагательного. Дело в том, что значение воображаемости, предположительности, действия оформляется универсально с помощью служебного слова, частицы *бы* (семантические варианты *как бы, если бы*). Личные формы глагола, оканчивающиеся на *-л* (или \emptyset), *-ла, -ло, -ли* целесообразно, на мой взгляд, рассматривать лишь как синтагматически необходимое сопровождение для *бы*, а не как часть совершенно уникального показателя, состоящего одновременно и из глагольных флексий, и частицы.

Возвращаясь к противопоставлению реальности и желательности, замечу, что речь идет о личных глагольных формах, где это семантическое противопоставление оформляется с помощью разных форм слова, различающихся, по определению, флексиями. За самим противопоставлением флексий *-и* (*неси*) и нулевой (*стой*) не кроется никаких семантических различий. (Как и за разными флексиями, обозначающими, что число называемых предметов «>1»).

Напомню, что соответствующие флексии обозначают желательность действия, совершаемого именно адресатом речи, а не ее автором и не тем, кто (что) является предметом речи.

В то же время предикаты, имеющие форму наречий, обозначают желательность соответствующих состояний для всех трех участников коммуникативного акта с помощью лексического показателя *пусть* и формы *будет* глагола быть: *пусть (тебе, мне, ему и т.п.) будет весело (хорошо, уютно, тепло и т.п.)*. Этот, лексический, способ обозначения желательности действия годится и для личных форм глагола: *Радуйся!* и *Пусть тебе будет радостно*, а также *Пусть ты будешь радоваться*, *Пусть он будет радоваться*, *Пусть я буду радоваться*. (Оставим в стороне возникающую в подобных случаях двусмысленность, позволяющую видеть в соответствующих обозначениях не столько желательность, сколько простое допущение в качестве реальности. Замечу однако, что другого способа выразить желательность действия по отношению к неадресату речи, кажется, не существует).

3) Время действия или состояния по отношению к моменту речи: *читаю – читал – буду читать и прочитал – прочитаю*. Известно, что русские глаголы несовершенного вида в состоянии обозначить все три времени, выражая при этом настоящее и прошедшее с помощью форм слова (и соответственно, флексий), а будущее – с помощью лексических средств, аналитически. С другой стороны, глаголы совершенного вида не могут обозначить момент речи, обозначая прошедшее и будущее грамматически, с помощью флексий.

Предикаты, имеющие форму наречий, выражают, как и глаголы несовершенного вида, все три времени, используя для этого аналитические средства, временные формы глагола *быть*: *было, будет* соответственно для прошедшего и будущего и значимое отсутствие всякого временного показателя для настоящего.

4) Производитель речи (адресат, адресующийся) – адресат речи – предмет речи. Это семантическое противопоставление выступает у глаголов несовершенного вида в настоящем и будущем времени: *читаю, читаем – читаешь, читаете – читает, читают* и *буду, будем – будешь, будете – будет, будут читать*. А у глаголов совершенного вида – только в будущем времени: *прочитаю, прочитаем – прочитаешь, прочитаете – прочитает, прочитают*. В прошедшем времени, а также

у предикатов в форме наречий это противопоставление оформляется не грамматически, не флексивно, а лексически – с помощью соответствующих местоимений: *я, ты, он читал; мне, тебе, ему весело* и т.п.

Возможно, как известно, и дублирование соответствующих показателей: *Я читаю (прочитаю)* где *я* семантически избыточно. Числовые характеристики соответствующих глагольных флексий также дублируют значение, представленное в связанных существительных, в том числе и местоименных.

5) Действие (состояние) как признак предмета и как сопроводитель другого действия (состояния). Как известно, при продуктивной речевой деятельности единственному «предмету» можно приписать несколько предикатов. Эти предикаты говорящий (пишущий) может просто перечислить, либо сознательно представив их как равноценные, либо оставив установление отношений между этими предикатами на усмотрение адресата речи. Однако говорящий (пишущий) может и самостоятельно обозначить межпредикатные отношения, используя лексические показатели, а именно союзы, такие, как, *но, потому что, после того как* и т.п.

С помощью грамматических средств (флексий) можно представить один из предикатов в качестве признака «предмета»: *Урожай зреет и радуется крестьянина* → *Зреющий урожай радуется крестьянина* или *Урожай созрел и радуется крестьянина* → *Созревший урожай радуется крестьянина*. Известно, что глаголы несовершенного вида могут давать обозначение «действия-признака» как присутствующего в момент речи (настоящее время) и как возникшего или существовавшего до такого момента (прошедшее время). Глаголы совершенного вида, как и в личных формах, не могут образовать причастной формы настоящего времени.

Оставим в стороне очень запутанный вопрос о сложных правилах сложения формально выраженных и формально не выраженных временных характеристик в высказываниях, содержащих личные и причастные формы глаголов с разными комбинациями временных показателей. Этот вопрос обычно исследуется в рамках рецептивных речевых действий и, кажется, совсем не исследован в аспекте продуктивных речевых действий.

То же самое принципиальное соображение объясняет и грамматический (флексивный) способ образования деепричастий, семантическое содержание которых состоит в обозначении вторичности, побочности, дополнительности обозначаемого ими действия (состояния) по отношению к «главному» предикату: *Пятак падает, звеня* и *Пятак звенит, падая*. Замечу, что любые другие отношения, кроме «главное – второстепенное», остаются в случаях с деепричастными оборотами формально никак не выраженными.

Итак, с помощью флексий, т.е. грамматически в самом узком значении этого слова, по-русски могут переданы такие важные характеристики действительности, как 1) количество предметов; 2) желательность vs реальность; 3) время действия; 4) различие между каждым из двух участников коммуникации и ее предметом. Кроме того, могут быть названы не совсем самостоятельные действия, трактуемые как признаки либо предмета, либо другого действия. Добавлю, что выражение всех названных характеристик является в весьма четко обозначаемых рамках обязательным для производителя речи. Нельзя, например, никак обозначить реальное действие без того, чтобы не указать и одно из его трех времен. Почти любой называемый предмет непременно должен быть охарактеризован по количеству. В настоящем времени невозможно избежать обозначения либо одного из двух участников коммуникации, либо ее предмета и т.п.

Очевидно, что до сих пор встречающееся представление о грамматике как исключительно об объекте, занимающемся **связями** между словами в предложении, выступает как абсолютно ложное. Однако, действительно, связи в грамматике занимают очень важное место. Причем не только связи между словами (см. об этом ниже), но связи между обозначаемыми в предложении феноменами. Прежде всего, между предикатом и участниками разыгрывающейся в предложении «драмы», а также обозначением тех обстоятельств, в которых эта «драма» разыгрывается».

5. Семантические отношения между предикатом и участниками действия, выражаемые с помощью грамматических средств (флексий)

Уточню еще раз условия постановки задачи. Предполагается, что она выглядит так: дан конкретный предикат (*писать, надеяться, мечтать, руководить, весело, страшно* и т.п.); требуется определить, 1) какие именно актантные позиции открывает этот предикат и 2) какими именно формами существительных, в том числе и местоименных, падежными и предложно-падежными, заполняется каждая из этих позиций. В рамках обеспечения продуктивных речевых действий вполне разумна и несколько другая постановка задачи. Например, дано: общее значение «лицо» и общее значение «предмет»; требуется определить способы выражения отношения «обладания» предметом со стороны лица. При таких лексически обобщенных исходных данных в качестве решения выступают, например, *У Ивана есть дача, Иван имеет чин полковника, У Ивана неприятности, Иван обладает достоинствами, У Ивана имеются недостатки* и т.п. Подобная широкая постановка во-

проса позволяет затем поставить много важных вопросов. Например, о том, какие семантические признаки «обладающего» и «обладаемого» влияют на выбор того или иного предиката, как эти признаки вместе с характеристикой самого предиката определяют форму актантов. Можно поставить также весьма модный сейчас вопрос о трансформационных правилах, преобразующих одни конструкции в другие, о синонимических и квазисинонимических отношениях между разными конструкциями, о предположительности тех или других в разных коммуникативных ситуациях. И даже – страшно подумать – поставить вопрос о том, в какой степени принадлежит русский язык к языкам типа *sein*, а в какой – к языкам типа *haben*. Считая такую постановку задачи весьма перспективной и логически безупречной, я, по крайней мере сейчас, предпочел более конкретный путь – «от имеющегося конкретного предиката» – с тем, чтобы ясно представлять реальную возможность представить результаты решения именно так поставленной задачи в форме словаря-матрицы. Я имею в виду строки – русские глаголы и предикатные наречия (в разных их значениях, когда это релевантно для решаемой задачи), а столбцы – актантные роли. Пересечения строк и столбцов либо нули двух типов: 1) когда это семантически невозможно и 2) когда, несмотря на семантическую возможность, искомые формы отсутствуют), либо все реальные падежные и/или предложно-падежные формы, выступающие при данном предикате (строка) для данного отношения (столбец). Очевидно, что возможность более чем одного ответа для каждого пересечения будет представлять собою либо свободное варьирование, либо зависимость от семантических (или иных ?) свойств существительного, выступающего в качестве соответствующего актанта.

Очевидно, что для русского языка таким образом выделяются основные способы оформления актантов. Объект – винительный падеж, субъект – именительный, адресат – дательный, орудие – творительный. В то же время выделится множество других классов, относительно малочисленных по составу. При этом характеристики предикатов, позволяющие выделить эти классы, иногда лежат на поверхности. Например, дательный падеж для обозначения субъекта состояния при наречных предикатах: *Мне холодно; Ивану скучно; Пете интересно* и т.п. Или творительный для обозначения объекта при глаголах «руководства»: *заведовать кафедрой, командовать полком, руководить отделом*, однако *курулировать вопрос, отвечать за направление*. Вообще вопрос о зависимости между семантикой предиката и формой существительных, занимающих актантные позиции при нем, имеет большую историю в рамках изучения соотношения семантики и синтагматики языкового знака. Как известно, значительные усилия в этой области не дали ожидавшихся глубоких результатов, ограничившись лишь кон-

статацией относительной независимости семантики и синтагматики и скромными наблюдениями, не дающими обобщений и укладывающимися только в словарную форму. Для нашей задачи однако принципиально важно движение именно от семантики к синтагматике, а не наоборот. Стремясь по возможности приблизиться к обеспечению продуктивной речевой деятельности, следует понимать, что в части «дано» в этом случае обычно может выступать слово с его значением, а в части «неизвестно, требуется получить» неизвестные производителю речи синтагматические свойства этого слова. Практически никогда в рамках обеспечения продуктивной речевой деятельности не бывает такого, когда производителю речи известна синтагматика того или иного слова, а его значение неизвестно, именно его требуется получить.

Остановлюсь на некоторых принципиальных трудностях, возникающих в процессе создания именно грамматики для продуктивных речевых действий и требующих отказа от стереотипов традиционной грамматики, классификационной и рецептивной.

1) Нефлексионные показатели актантных отношений.

Общеизвестно, что, например, объектные отношения в русском языке могут выражаться не только с помощью флексий, но и с помощью т. н. предложно-падежных форм: *надеяться на отца, верить в успех, заискивать перед начальником* и т.п. Очевидно, что во всех этих случаях соответствующие предлоги теряют свои собственные семантические характеристики, превращаясь лишь в показатели того, что перед нами форма не именительного, но косвенного, подчиненного падежа. При этом сама флексия выступает как показатель, обусловленный, вынужденный самим, так сказать, предлогом. Впрочем, главный показатель «объектности», по форме выглядящий как предлог, по сути таким не является: ср. *надеяться на отца* и *повесить на отца* (направление); *верить в успех* и *ехать в гору* (направление); *заискивать перед начальником* и *стоять перед домом* (место) или *принимать перед едой* (время).

Отличать подобные служебные слова в функции определителя субъектно-объектных отношений от настоящих предлогов с их совсем иной служебной ролью, определяемой собственной семантикой этих единиц, следует, по-видимому, не только в русском, но и в других языках, в частности в немецком и английском (ср., например, нем. *warten auf* и англ. *wait for*). Таким образом, как кажется, можно подвести серьезное логическое основание под практическое заучивание глаголов иностранного языка с их управлением. Уточню, если эти глаголы нестандартно оформляют объектные отношения. Знать, как именно следует эти отношения оформлять, необходимо для обеспечения продуктивной речевой деятельности.

2) «Совмещенные» актантные позиции возникают, как известно из традиционных грамматических исследований, в тех случаях, когда некоторая форма может получать двоякую интерпретацию. В русском языке, например, выделяют такие конструкции, актант которых может рассматриваться и как субъект собственного состояния и как объект, на который воздействует некая неназванная сила. Это могут быть обозначения и физиологических, и моральных состояний, например, *Его знобит (лихорадит, рвет, мутит, тошнит)* и *Его (тянет, влечет, заносит, подмывает)*. Также не всегда можно различить, например, адресат и объект при некоторых предикатах: *благодарить сотрудника* (по форме – объект), но *выразить (объявлять) благодарность сотруднику* (по форме – адресат). Полагаю, что это один из немногих случаев, когда продуктивная грамматика может уклониться от спорной систематизации и принять любое практически удобное для нее самой решение.

3) Учет формально не выражаемых элементов содержания. Очевидно, что конечной целью обсуждаемой грамматики является создание системы правил, порождающих реальные предложения на русском языке. При этом приходится считаться с тем, что многие такие предложения представляют последовательности с формально не выраженным, но заведомо подразумеваемыми элементами. Приведу некоторые примеры. *Петь песню о любви* и *петь о любви, снимать фильм о Москве* и *?снимать о Москве, ставить спектакль о молодежи* и **ставить о молодежи*. Очевидно, что во всех этих случаях *о чем-либо* выступает как характеристика создаваемого объекта. Однако во многих подобных конструкциях упоминание об объекте опускается, а его характеристика формально выступает как принадлежащая предикату, хотя содержательно это вовсе не так. В *рассказывать об университете* или *писать о природе* сами объекты действия в реальности опускаются.

Другой пример. *Выьем за Ивана* – обозначает «за доброе здоровье, успехи и всякие иные блага, принадлежащие Ивану» в том случае, если он жив. И за «принадлежащую нам память об Иване», если его земной путь окончился. Точное именование всех этих элементов содержания привело бы к созданию абсолютно неестественной, а следовательно, плохо понимаемой адресатом конструкции. *Съел тарелку супа* ориентирует нас на то, что *тарелка* – «объект», а *супа* – его характеристика, что содержательно совершенно бессмысленно. А раз так, то никак не может быть основой для содержательных, т.е. содержательно ориентированных продуктивных речевых действий. Для нашей задачи все это означает необходимость двухходового решения задачи, предусматривающего на втором, последнем, этапе преобразование логически точной формулировки в узуально приемлемую. (Ср. с постредактированием текстов, полученных в процессе машинного перевода).

Разумеется это в ряде случаев серьезно усложняет поставленную задачу. Тем более, что проблема невыраженных элементов смысла в русском языке, не может считаться полностью изученной и в семасиологическом аспекте. Накоплен лишь достаточно большой корпус примеров: *ключ от квартиры, рекомендуется для печени, любить Чехова* и т.п.

Замечу, что **исчерпывающее** описание самих формально не выражаемых содержательных элементов, а также условий их опускания, могло быть, на мой взгляд, существенно обогатить вопрос о специфике (невнятный гипероним!) отражения мира тем или иным языком. Иными словами, для эффективности ономасиологических процедур требуется углубить и расширить семасиологические.

6. Асемантические элементы в грамматике

Именно асемантическим элементам и принято уделять особое внимание при изучении грамматики неродного языка. По-видимому, целесообразно выделять два типа таких асемантических элементов.

Первый – связан с синтагматическим воздействием соположенных элементов. В русском языке – это согласование с существительными по роду, числу и падежу прилагательных и всех других слов (местоимений, порядковых числительных, причастий), изменяющихся, как прилагательные. А также координация по числу и роду (в единственном числе) личных глагольных форм, оканчивающихся на – *л* и \emptyset (типа *нес, греб*) с существительными, имеющими субъектное значение при этих глаголах.

Кроме того, синтаксическое воздействие оказывают на выбор падежной формы существительных многие предлоги русского языка. Например, *из, от, для, ради* – родительный, *к, благодаря, согласно, вопреки* – дательный, *о* – предложный и т.п. Однако в ряде случаев именно падежная форма снимает омонимию предлогов: *в лес* и *в лесу*, *на стол* и *на столе*, *под кровать* и *под кроватью*, *с дома* и *с домом*. Возможно, что эти факты целесообразно интерпретировать и не как омонимию разных предлогов (v_1 – «место» и v_2 – «направление»), но как разные комплексные показатели: *в* + предложный падеж – «место», *в* + винительный падеж – «направление» (См. выше 5 об асемантизированных предлогах, сохраняющих однако свое синтагматическое воздействие на падежную форму существительных).

Второй тип асемантических изменений, задаваемых грамматикой, покрывает то, что обычно называют различиями в типах склонения и спряжения. Эти различия воплощаются не только в разных окончаниях, но и в разнообразных чередованиях (качественном типа *слать* – *шлю*, количественном с усечением типа *цветок* – *цветы* или нараще-

нием типа *сын – сыновья*), а также в изменении места ударения. Традиционно эти вопросы разнесены по многочисленным темам, что обусловлено многообразием и разнородностью материала: типы склонения существительных (прилагательных, местоимений, числительных), способы образования форм множественного числа, чередования при склонении, типы спряжения глаголов, классы глаголов... (Замечу, что две последние темы на самом деле представляют собою одну, а существующее разделение лишь дань традиции преподавания русского языка как родного. Для носителей русского языка практически не существует проблемы двух основ глагола, а следовательно, и класса глагола, но существует проблема правописания безударных личных форм глагола. Отсюда и деление на I и II спряжение, актуальное лишь для письменной речи).

Все эти формальные и асемантические различия между словоформами одной лексемы, с одной стороны, а также различные средства для выражения одного и того же содержания (формы множественного числа имен, формы прошедшего времени или императива глаголов, например) с другой, представляют собою безумную расточительность средств внутри самого языка и создают колоссальные трудности для изучающих язык как неродной. Особенно возрастают эти трудности в том случае, когда речь идет не о подражании и запоминании, но о сознательном изучении языка, которое может происходить только на семантической основе. По-видимому, объем и принципиальная неупорядочиваемость всего этого материала и породили в общественном сознании миф о том, что именно это и есть грамматика. Следствием из этого мифа был другой миф – об асемантичности грамматики (см. выше, 4).

Разумеется, при обсуждаемой постановке задачи относительно грамматики все эти факты должны войти в ее решение. Однако отнюдь не как его главная часть. Здесь возможен следующий путь – формальная, асемантическая корректировка решения, принятого на первом, семантическом этапе. Например, составленное в соответствии с замыслом автора из словарных и/или семантически модифицированных форм неправильное **Хороший братья говорил* превращается после асемантической корректировки в нормативное *хорошие братья говорили*.

Другой, теоретически возможный путь связан с попытками «одноходового» перевода замысла в грамматические формы. Однако неизбежное в таком случае смешение семантического (как основы всей деятельности по решению задачи) и асемантического (более или менее регулярные «капризы» языка) выступает как недостаток такого пути при заданной постановке задачи.

7. Является ли словообразование частью грамматики?

Разумеется, что грамматике принадлежит все, что связано с образованием форм слова, а следовательно, с флексией (окончанием). Однако возникает вопрос о том, можно ли формально ограничить грамматику только флексией. Не должна ли грамматика включить в себя и словообразовательные отношения? И если да, то какую именно часть словообразовательных отношений?

Нетрудно видеть, что ведению грамматики принадлежит все, что представляет собою **регулярные** образования. Имена существительные регулярно изменяются по числам и по падежам, прилагательные еще по краткости – полноте и по родам, числительные – только по падежам, глаголы – по временам и т.д. Однако не все существительные обладают формами обоих чисел, не все прилагательные имеют полные и краткие формы... Иными словами, регулярность некоторых образований не составляет 100%, однако это не препятствует вхождению соответствующих фактов в грамматику. В этом отношении грамматика жестко противостоит разнокорневой лексике, где регулярность реализации того или иного семантического противопоставления очень редко превышает однозначную цифру. Например, *проснулся – разбудили, выздоровел – вылечили, умер – убили, упал – повалили, но лег – положили или встал – поставили* являются уже однокоренными словами.

Лексикографическая практика также не включает обычно в состав самостоятельных лексем такие образования, как например, степени сравнения прилагательных, отглагольные существительные и т.д. Рассмотрим этот вопрос подробнее в рамках поставленной задачи.

1) Синтаксическая деривация.

Создание русской грамматики, ориентированной на содержание, требует экспликации закономерностей, позволяющих производить синтаксическую деривацию. В самом деле, говорящий / пишущий по-русски должен уметь развертывать текст, превращая, например, предикат первого предложения в субъект или объект второго, менять определение «предмета» на характеристику действия (*быстро бежать – быстрый бег, ужасно высокий – ужасная высота* и т.п.).

Это требование, с учетом многообразия суффиксов (не флексий!), синтаксически «переводящих» глагол и прилагательное – в существительное, а прилагательное – в наречие, непременно приведет к увеличению формальных типов классов слов одной и той же части речи. Так, например, разойдутся глаголы *кричать* и *молчать*, поскольку *крик*, но *молчание*, хотя во всех формах словоизменения эти два глагола полностью совпадают. То же и, например, с прилагательными *толстый* и *зеленый* из-за *толщина* (*толсто*), но *зелень*.

2) Деривация от существительных.

Без сомнения, обсуждаемая грамматика должна содержать также правила об образовании названий существ женского пола (*еж – ежиха, тигр – тигрица, москвич – москвичка, учитель – учительница* и т.п.). Как уже не раз отмечалось, и здесь самым трудным делом будет установление правил выбора конкретного суффикса для каждого производящего. И это также не может не привести к увеличению числа объектов в классификации производящих существительных по сравнению с традиционными типами склонения, способами образования множественного числа и т.п.

Заслуживает также внимания вопрос о правилах образования коммуникативных дериватов, отражающих «ласкательное» отношение к собеседнику типа *минуточка, телефончик, билетик, рюмочка* и т.п. наряду с не имеющими таких возможностей *университет, кафедра, луна* и т.п.

Что касается других образований от существительных – по параметру «размер», т.е. «больше нормы» и «меньше нормы», по параметрам «единичность», «собирательность», а также «субъективная оценка», т.е. реально только «отрицательная», все эти дериваты из-за их относительной малочисленности (читай: крайне низкой регулярности!) едва ли должны стать объектом грамматики.

3) Деривация от прилагательных.

Правила образования степеней сравнения – сравнительной и превосходной – должны быть представлены. Хотя их образование и далеко нерегулярно (будь оно регулярным, его оформляли бы флексии и присутствие этого феномена в грамматике даже не обсуждалось бы за очевидностью), но управляется относительно простыми правилами.

Что касается степеней признака (*толстоватый – толстущенный – толстенный*), то они едва ли заслуживают включения, поскольку не только имеют низкую регулярность, но и легко могут быть выражены лексическими средствами *немного, слегка, чуть-чуть очень, чрезвычайно, слишком* и т.п.

Деривация от прилагательных названий лиц по их признакам типа *добрый – добряк, глупый – глупец, веселый – весельчак* имеет право на обсуждение, хотя баланс плюсов (общее правило вместо того, чтобы каждый раз обращаться к словарю) и минусов (сложность правил выбора суффикса, отсутствие ожидаемых дериватов) остается неясным.

4) Деривация от глаголов.

В рамках обсуждаемой грамматики возможно также и обсуждение деривации существительных со значением «лицо, охарактеризованное по действию» типа *учить → учитель*. Однако и здесь не следует забывать о тех трудностях, которые уже отмечались в связи с деривацией именованных лиц от прилагательных. К этим трудностям при отглагольной деривации добавляются еще незапланированные семантические

приращения типа *писатель* – «тот, кто пишет **художественные** произведения» (ср.англ. *author* и *writer*), а также образования от других корней типа *стирать* – *прачка* или *водить машину* – *шофёр*. Об отглагольном образовании именовании объекта, места или средства, видимо, не стоит даже и говорить по причине их низкой регулярности.

Внутриглагольная деривация заслуживает, на мой взгляд, особого внимания. Напомню, что в рамках семасиологического подхода к этому явлению удалось выделить две группы фактов. Мутационную деривацию, как, например, в *спросить* → *просить*, *подписать (документ)* – *писать*, *угovorить* – *говорить*, *убить* – *бить* и т.п. А также модификационную деривацию, связанную с прибавлением к производящему таких общих параметров, как «фазовость» («начало», «прекращение»), «пространственная направленность», «отношение к другому действию» («повторность», «дополнительность») «интенсивность больше или меньше нормы» («по количеству действий», «тщательности совершения действия», «количеству субъектов или объектов») и т.п. Разумеется, в рамках поставленной задачи речь в принципе может идти только о модификационной деривации. Напомню также, что все русские префиксы, выполняющие модификационную роль (за исключением *со* – в значении «совместно», как, например, в *чувствовать* – *сочувствовать*), содержат в себе семы «результативность» или «однократность». Причем эти семы могут являться единственным содержанием соответствующих дериватов, как в *острить* – *сострить*, *смотреть* – *посмотреть*, *кричать* – *прокричать* («однократность» vs «кратная неопределенность») или как в (*писать* – *написать*, *читать* – *прочитать*, *строить* – *построить* («результативность» vs «результативная неопределенность»). А могут быть и непременно сопровождаем названных выше семантических модификаций. Например – *плакать* – *заплакать* («начало» + «однократность»), *писать* – *переписать* («повторность» + «результативность»), *платить* – *доплатить* («дополнительность» + «однократность»), *строить* – *настроить (домов)* («большое количество объектов» + «результат») и т.п.

Совершенно очевидна нецелесообразность использования в рамках обсуждаемой задачи параметра «видовая модификация», поскольку семантическое содержание, стоящее за такой характеристикой, как **вид глагола**, остается весьма невнятным, возможно по причине той столь высокой степени обобщенности, абстрактности, которая не укладывается в представление говорящего/пишущего как модификационный параметр.

Имея в виду степень регулярности в реализации внутриглагольных модификационных значений, я предложил бы представить в качестве разделов обсуждаемой грамматики, во-первых, правила образования результативных глаголов и, во-вторых, правила образования однократ-

ных глаголов. Очевидно, что в качестве средств такой модификации выступают не только предикаты, но и суффиксы: *решать* – *решить*, *угощать* – *угостить*, а также *толкать* – *толкнуть* и т.п.

Что же касается других модификаций (в том числе и таких, реализующихся с помощью *-ся* (*-сь*), как «безобъектность», «взаимность»), то их, видимо, по той же причине относительно невысокой регулярности следует признать достоянием словаря, а не грамматики.

8. Грамматика и сочетаемость лексем в предложении

Традиционно грамматика не ограничивается только образованием от словарной формы всех других форм слова и наиболее регулярными словообразовательными преобразованиями. Предметом грамматики является также структура словосочетаний и предложений, простых и сложных. В последнее время говорят даже о грамматике текста, имея в виду такие правила соединения предложений, которые обеспечивают связность и цельность образуемого этими предложениями текста. Не имея возможности подробно рассматривать все аспекты «составления» предложений и текстов из полученных усилиями лексики и грамматики словоформ и лексем, хочу, однако, отметить два обстоятельства.

Первое состоит в том, что в русском языке, как кажется, нет таких синтаксических конструкций, которые бы имели самостоятельное семантическое содержание. Я имею в виду, например, т. н. «дательный самостоятельный» старославянского языка, когда употребленные в этом падеже имя и причастие были семантическим эквивалентом придаточного предложения времени ШЬДЪШЮ ЖЕ ЕМУ ВЪСПАТЬ – «когда он шел назад». Или т. н. порядок слов в английском языке, когда именно препозиция и постпозиция по отношению к личной глагольной форме позволяет различать субъект и объект действия: *John loves Mary* – «Джон любит Мэри» и *Mary loves John* – «Мэри любит Джона». Или, например, латинские конструкции типа *accusativus cum infinitivo*. Повторяю, ничего подобного в русском языке, кажется, нет. Предложения (и текст?) развертываются последовательно, а различного рода отклонения от стандартных последовательностей не имеют собственного семантического наполнения. Они ориентированы только на субъективное акцентирование на одних моментах (обособление определений как средство их «повышения» к уровню предиката). Или, наоборот, на «понижение» с уровня предиката до определения или обстоятельства (см. выше о причастиях и деепричастиях, раздел 4).

Второе вытекающее из первого, обстоятельство состоит в том, что при продуктивной речевой деятельности особую роль приобретают ограничительные правила сочетаемости слов. Например, такие, как *девушка рыжая*, *глаза карие*, *пальто рыжее* и *коричневое* (однако

*девушка каряя и коричневая, *глаза коричневые и рыжие, *пальто карее).

Очевидно, что эти вопросы принадлежат не грамматике, но лексикологии. Успехи последней в обеспечении именно продуктивных речевых действий представляются весьма скромными. Прежде всего потому, что лексикологи почти всегда идут именно от данного им слова и почти никогда от явления, ситуации, признака, который требуется назвать, обозначить. Новейшие исследования представителей когнитивной лингвистики также не пытаются создать «конструктивные» правила для производителя речи, ограничиваясь лишь более или менее остроумными и убедительными объяснениями, почему, например, плоские тарелки также *стоят на столе*, как вытянутые вверх чашки и бокалы, а не *лежат*, как ножи и вилки.

Однако в любом случае вопрос о лексической сочетаемости, серьезно осложненный еще и воздействием узуса (см. выше о формально не выраженных смыслах, раздел 5), заведомо не принадлежит грамматике, оставаясь весьма слабо изученным в лексикологии в рецептивном, а особенно в продуктивном аспекте.

9. Заключение

Предвидя неудовлетворение многих читателей в связи с отсутствием в тексте ранее неизвестных фактов, хочу объясниться. Я видел свою задачу не в обнаружении новых фактов в грамматическом строе русского языка (сомневаюсь в том, что это после многолетних разысканий выдающихся ученых вообще возможно). Я хотел представить уже известное в таком именно виде, в такой именно системе, которые позволяли бы решить задачу именно так поставленную, как это сделано в разделе 1.

Мне представляется, что существующие многочисленные теоретические работы, посвященные русской грамматике, не представляют свой материал таким образом, какой необходим для обеспечения речевых действий, особенно продуктивных. В результате этого создается ситуация, когда практическое обучение языку – само по себе, а знания, так сказать, «теории языка» – сами по себе. Этот разлад в жизни преодолевается за счет усиления чисто практической части обучения («повторяй и запоминай») и за счет умаления роли теоретических знаний. Эта тенденция кажется мне опасной, поскольку ее торжество ведет к умалению интеллектуальной составляющей в обучении, в частности языку. На мой взгляд, разрешение существующего противоречия не в пренебрежении теорией, но в совершенствовании самой этой теории, нацеленности ее в конечном счете на решение практических задач.

К сожалению, в настоящее время в России в области лингвистики вообще, и русистики в частности, я не вижу серьезных попыток совер-

*Какая грамматика нужна для обозначения действительности
средствами русского языка?*

шенствования теории. Хотя ориентация на практические цели довольно ясно вычленяет те места, где наши теоретические знания явно недостаточны. К уже отмеченным ранее моментам хочу прибавить вопрос об активном обозначении в русском языке различных способов перемещения в пространстве (традиционная тема «Глаголы движения»). Отсутствие теоретической внятной работы по этому вопросу вызывает у меня чувство стыда.

Адрес электронной почты автора: igormil@hotmail.com